

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ, МЕНТАЛИТЕТ И ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

.....

С.А. Сухих¹

Ключевые слова: этническое сознание, менталитет, интеллигенция, доминанты. **Keywords:** ethnic consciousness, mentality, the intelligentsia, the dominantes

Главные черты современной эпохи – это глобализация международных финансов, рынков, информационных потоков, культуры, идеологии. Специфику этих процессов составляет неравномерность развития государств, каждое из которых находится в рамках трех революций: сельскохозяйственной, промышленной, информационной. Если европейские страны живут в рамках информационной революции, то Россия оказывается на переходе к ней. Все это создает общий контекст особенностей взаимоотношений между государствами.

Интегративные тенденции затрагивают также и различные культуры. Культурная глобализация обусловлена процессом урбанизации, следствием которой являлись деиндивидуализация, обезличенность человека в городах, анонимность нормы поведения, разрешающий вандализм, а также интернационализация рынка. Сегодня в Германии и Англии каждый седьмой работник физического труда является эмигрантом. Кроме указанных процессов вестернизация также вносит вклад в аккультурацию европейцев, что может вызывать смещение этнической идентификации. Переживание аномий (столкновение в сознании человека противоположных ценностных ориентаций и культурных норм) жителями России также ведет к падению потенциала Я, которое использует принадлежность к этнической группе как инструмент укрепления Я-концепции личности, особенно в периоды кризиса. Все это делает категорию *этнического сознания* одной из важных проблем современности. Психологические последствия культурной маргинальности, а россияне ставят значимость этнической принадлежности на четвертое место, хорошо исследованы по отношению к коллективному субъекту [6]. При этом просматривается связь этнической маргинальности с психической дезадаптацией [7].

¹ Сухих Станислав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: sustal@mail.ru; sustal@manag kubsu.ru

В условиях кризисной экономики наблюдается социальная напряженность, которая может проявляться в форме межэтнической напряженности. На это имеется психологическая причина. С одной стороны, этническая группа представляет собой опору для стабильности Я-концепции, с другой – личность нуждается в идентичности и безопасности, что должно способствовать росту этноцентризма. Потребность в коллективном способе преодоления кризиса ведет к координации совместных усилий. И успешность решения общей проблемы обусловлена не только экономическими причинами, но и эффектами оформляющегося мультикультурализма, содержащего в себе много психологических проблем.

Исследование этнического фактора в его многомерном проявлении позволяет понять процессы, происходящие в национальном менталитете, самознании народов. Сегодня мы можем использовать разные концепции и конструкты для описания этих процессов. Так, сама постановка проблемы национальных картин мира отражает доминирующую сегодня в науке когнитивную ориентацию, которая более свойственна американской индивидуалистической традиции, тогда как европейская мысль основной акцент делает на изучении ситуации контекста. Не случайно мы имеем в научной парадигме две противоположные тенденции исследования: 1) когнитивную, представленную в различных теориях: когнитивного диссонанса, аттитюдов, конструктов Келли, психосемантики и т.д., и 2) ситуативную, представленную открытием Лапьера о расхождении аттитюда и реального поведения.

Национальные картины мира манифестируются в языковых конструктах. Они определяют вербализацию, т.е. осознание мироощущений. В свое время В. Гумбольдт говорил, что различия языка – это не различные способы обозначения одного и того же, а разные видения его, т.е. мы видим разный смысл в одних и тех же понятиях. К примеру, сопоставим понятия «время» в русском и немецком языках. Немецкое *Zeit* восходит к линейному понятию времени *ziehen* – тянуть, а в русском время – вращать, веретено, вертеть (цикличность против линейности). По мнению А.Я. Гуревича, представление о цикличности свойственно традиционным народам. Картина мира включает и самого человека, и его отношения к себе. К примеру, в русском языке 72 % фразеологических оборотов имеют негативное значение качеств человека. Положительных обозначений качеств человека в русском языке меньше в 1,7 раза, чем в английском. Понимание реальности предстает для обыденного сознания в виде этноспецифических интерпретаций. Психология культуры отрицает представления об универсальной организации личности [3].

В этнопсихологии всё чаще оперируют понятиями ментальности, менталитета. Менталитет выступает конструктом, референциальные рамки которого охватывали главные тенденции категоризации окружающего мира национальным сознанием как первичным с точки зрения пробуждения индивидуального

сознания. Культурные детерминанты, деятельность опосредуют отношения человека с окружающим миром, с одной стороны и активизируют архетипы коллективного бессознательного как скважинные стержни коллективного субъекта, его психической организации – с другой. Если признать комплементарный характер соотношения сознательного и бессознательного, тогда внешнее (т.е. культура) должно компенсировать внутренние побуждения человека. При внешнем коллективизме как сдерживающем механизме бессознательных импульсов эгоизма в условиях кризиса или иных потрясений может наблюдаться проявление этого бессознательного. Разгул эгоизма, в том числе и корпоративного, свойствен периоду перехода к рынку. Вероятно, мифы о рае и научные теории коммунизма могут быть рассмотрены как проявления бессознательного или прорыв культурного табу, которое охраняет сознательное от соблазнов бессознательного [8]. Любопытно, что идеи революции и анархии родились в Германии, в культуре которой как регуляторе и ограничителе бессознательных импульсов преобладают доминанты педантичности, порядка и пунктуальности. России не удалось противостоять влиянию данных импульсов (архетипа изменения), и идея революционных изменений реализовалась. Этническое сознание россиян менее защищено от влияния бессознательного, которое также может интерпретироваться как источник творчества. Удивительно, что американская культура, будучи индивидуалистической, проявляется как коллективистическая в условиях студенчества, особенно среди фанатов студенческих спортивных команд.

Менталитет обладает достаточной степенью инертности и динамичности. В качестве стабилизатора менталитета выступает система национальных ценностей. Однако для российского менталитета характерна попытка переформатирования ценностных доминант в контексте от коллективизма к индивидуализму. Косвенно эти изменения фиксируются в языке и воздействуют через язык и другие семиотические системы на этническое сознание коллективного субъекта.

Менталитет многие исследователи сводят к национальному характеру, что делает противопоставление поведения представлениям весьма призрачными. Устойчивость поведенческих тенденций связана с действием стереотипов, понимание сущности которых возможно в рассмотрении системы отношений архетип–прототип–стереотип. Стереотипы выступают формой реализации фиксированных в прототипах алгоритмов социальной жизни, т.е. когниции возникают не в вакууме, а в синергии сил социального мира и активности архетипического в бессознательном. Это и создает так называемый метаиндивидуальный мир как интегральное целое [11, с. 56] Прототипы акцентируют обобщенно одну из сторон расколотого архетипа.

Специальных исследований о влиянии ценностно нагруженных категорий на формирование ментального пространства этнической культуры не пред-

принималось. В лучшем случае констатировалось, что прототипы культурно обусловлены и что люди склонны к расовым стереотипам, плохо запоминают тексты, не соответствующие их концепции, т.е. используют обобщения в качестве ориентира и стереотипа для оправдания своего личного взгляда на мир. Без признания своего этноцентризма и стереотипного мышления нельзя выработать эмпатию как основу межкультурной сензитивности.

Антитезой стереотипному мышлению является планетарное сознание, когда человек ощущает себя частью человечества и одновременно носителем определенной национальной культуры [4]. Гуманитарное образование может отчасти способствовать этому, но главный залог такой возможности – отсутствие внутренних конфликтов у человека, так как невротически слабая личность ищет компенсации в болезненной, т.е. чрезмерной идентификации с этнической группой. Выделяется даже такой тип, как «over-seas type», т.е. люди, которые испытывают наименьшую трудность вхождения в инокультурную среду [9]. Обобщая, можно сказать, что люди с духовным уровнем сознания не испытывают проблем при встрече с иной этнической культурой, так как духовность утверждает ценности общечеловеческого характера. При этом не исключается возможность формирования межкультурной компетенции, которая предполагает: потребность в интеракции, знание альтернативных интерпретаций, способности к эмпатии, толерантность к многозначности интерпретаций [3].

Для людей с выраженным духовным уровнем сознания противопоставление «свой» – «чужой» носит инструментально-познавательный характер, тогда как для остальных это противопоставление имеет скорее защитный, компенсаторный характер. Само значение категории «чужой» как проявление несимметричного поведения сигнализирует об отсутствии поддержки для личности, которая стремится преодолеть страх и неуверенность посредством этнокультурной идентификации со своей группой, особенно в периоды социальных кризисов и экономической нестабильности. Этноцентризм выступает как раз средством компенсации страха открытости, скрывающегося в глубинах бессознательного. Слабое понимание другого категоризируется в понятие «чужой». Такое непонимание детерминировано зачастую когнитивной простотой, что и находит выражение в преобладании стереотипности мышления.

Обратимся к особенностям русского менталитета как особой конфигурации бытийных констант. Активность этих констант коренится в прошлых культурных регулятивах русской культуры, влияющих на формирование определенных психологических качеств и ценностных ориентаций этнической личности.

Современное состояние русского менталитета имеет отчётливый отпечаток исторического прошлого. Можно допустить, что картина мира – это культурно-исторический обусловленный способ мышления, который формирует соответствующий менталитет. Русский менталитет опирается на три ба-

зовые доминанты: 1) «общественное благо против индивидуального»; 2) «понятия над законами»; 3) «слабую структурированность против детальной точности». Из этих доминант вытекают последствия. Так из *первой доминанты* вытекает, что человек понимается как инструмент или средство для достижения каких-то надсубъектных ценностей. Этот фактор представлен такими свойствами социальных аттитюдов, как: «слабый интерес к мотивации человека в деятельности»; «пренебрежение к социальной защищенности человека»; «нарушение прав человека»; «государство богато – человек беден». Из *второй доминанты* вытекает такое качество, как сохранение отношений к людям, которые являются приоритетными по сравнению с соблюдением закона. Данный фактор представлен следующими свойствами социальных аттитюдов: «нарушение законов»; «отклонение от предписаний – коррупционность»; «гостеприимство»; «социальные отношения как капитал». Из *третьей доминанты* вытекает такое качество, как «творчество – высокая способность к адаптации». Этот фактор представлен следующими свойствами социальных аттитюдов «дух изобретательства»; «синергетика как активное сопряжение сознательного и бессознательного»; «нарушение стереотипов»; «отрицание стандартов». Эти факторы определяют общую тенденцию активности русских. Они коренятся в бессознательном человека и влияют на восприятие символической реальности и интерпретацию правил корпоративного поведения.

Советский период истории также внес вклад в современный менталитет россиян, касающийся побудительных причин: 1) фрустрации как следствия нереализованных желаний; 2) безответственности как следствия коллективизма (эффект Рингельмана); 3) потребности компенсировать как реакции на ущемление естественных потребностей. Первая причина имеет две формы – агрессивность или депрессивность. Вторая причина проявляется в страхе выражения своего мнения и в большей значимости преданности по сравнению с компетентностью. Третья причина обуславливает стремление к богатству и демонстрации значимости. Этим обусловлено непонятное для иностранцев поведение русских предпринимателей.

Высказывания директивной направленности содержат выражения, в которых утверждаются идеи, отсутствующие в реальности. К примеру, в этическом кодексе русских предпринимателей, принятом в 1912 г. в Нижнем Новгороде, утверждается: 1) уважай власть; 2) будь честен и порядочен; 3) уважай право собственности; 4) уважай и люби людей; 5) держи слово; 6) живи в соответствии со своими возможностями; 7) будь целеустремленным. Внешние формы утверждений выступают способом компенсации глубинных бессознательных страхов и сомнений, которые представляют психологическую реальность.

Интеллигенция как часть популяции обладает, в отличие от представителей с обыденным сознанием, рефлексивным уровнем сознания, что предполагает ориентирующую в развитии общества функцию. Однако исторические

предпосылки феномена русской интеллигенции предполагают не профессиональный, а сословный принцип. В ходе истории создавались условия для распада личности. Так, Петровские реформы вызвали две реакции – отщепенство от государства и враждебность в двух формах – в абсолютном анархизме и в разных формах русского социализма. Общее состояние русской интеллигенции можно охарактеризовать как невротическое.

Психологическим механизмом, запускающим невротический недуг, является реакция тревоги как результат фрустрации (безуспешные попытки участия дворян в государственном управлении). Враждебность государства к интеллигенции в контексте невротической симптоматики понимается как вытеснение собственной враждебности и проецирования ее на внешний мир. Это обусловило внутреннюю слабость и незрелость Я русской интеллигенции. Его слабость проявилась через невротические наклонности – в переносе тяжести на других, т.е. боязни самоутверждения, путем отрицания идей личной ответственности. Взамен же объявлялся идеал удовлетворения нужд большинства. Недуг проявлялся в невротической любви к народу, боязни самоутверждения.

Вторая невротическая черта обусловлена потребностью заключить жизнь в узкие рамки (быть нетребовательным, довольствоваться малым, умалять свои способности). Конкретное проявление этой черты мы находим в аскетизме, отрицании богатства и в том, что «любовь к бедным обращается в любовь к бедности». При этом в моральный ранг возводится верховный принцип общественного мнения: думать о своей личности – эгоизм, непристойность.

Третьей чертой болезни русской интеллигенции выступает ее революционность, т.е. стремление разрушать ради счастья других. Разрушение утверждается как прием творчества. Даже гуманист XIX в. В. Белинский в письме к В. Боткину отмечал: «...ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях и никогда не попадает в центр идеи. Итак, я теперь в новой крайности – это идеал социализма, который стал для меня идеей идей, бытием бытия, социальность или смерть! ...люди так глупы, что их насильственно надо вести к счастью. Да и что там кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов!» [1, с. 348–349]. Социальный радикализм русской интеллигенции проявлялся в полной мере в форме заговора, восстания, террора во благо народа. Как справедливо подчеркивал С.Л. Франк, «ошибка революционизма есть абсолютизация начал борьбы» [10, с. 186]. Потребность борьбы является одной из главных черт невротизма. Невротическое стремление к власти у русской интеллигенции рождается из слабости, тогда как нормальное стремление – из силы.

Четвертая черта невроза русской интеллигенции раскрылась в годы строительства социализма, когда невротическое честолюбие (лучшая страна, наибольшие объемы выпуска, летать выше, дальше, быстрее всех) сочеталось с потребностью восхищаться самим собой. Для этой цели особенно пригодной оказалась культурная сфера, в которой социально-психологический недуг под-

держивался нигилистическим морализмом против объективных ценностей: «...культ опрощения есть общее свойство интеллигентного умонастроения» [10, с. 189]. В конечном счете, утилитарное отношение к культуре санкционировало в обществе антисоциальное поведение.

В советскую эпоху невроз получил дальнейшее обострение в силу двух взаимосвязанных факторов: влияния авторитаризма и невротического чувства вины. Авторитарность, репрессивные меры усиливали страх неодобрения, неуверенности, зависимость от общественного мнения, что в свою очередь усугубляло течение болезни. Социальная реорганизация отразилась на психологических процессах и привела к высокой активности подсознания в силу подавленности рефлекса свободы. Культ силы, властности, протекционизма, восхваления подчиняет неразвитое сознание диктату подсознания. Расцветает психология вседозволенности. Возникают аморальные типы личности (обманщики, хамы, деспоты). Невротическая личность получает тенденцию ущемлять интересы людей, возникает желание обмануть, обворовать, эксплуатировать или просто расстроить дела других, при этом паразитируя на чужих идеях.

Переход к рыночным отношениям, снявшим внешние регуляторы репрессивного общества, открыл шлюзы аккумулированных аффективных комплексов для предприимчивой части населения России. Интеллигенция по-прежнему опирается на внутреннюю стимуляцию. Однако стадия «пещерного капитализма» усугубляет депрессивность как следствие фрустрации веры в возможность рыночной экономики. Отчужденность от участия в реальных преобразованиях в обществе выступает следствием рефлексивности сознания русской интеллигенции.

Насильственные преобразования в истории приводят на психическом уровне к неврозам, а на социальном – к культивации ложных ценностей. Единственный выход для русского этноса – «... от распределения и борьбы перейти к культурному творчеству и созиданию богатства» [5, с. 65]. Возвращение к объективным, общечеловеческим ценностям, а также работа в своем внутреннем пространстве для нахождения своего духовного центра – залог оздоровления этноса, тем более что роль славяно-русской культуры в контрасте к англосаксонской заключается в утверждении духовной, а не биологической самости в человеке.

Библиографический список

1. *Белинский В.* Из писем к В.П. Боткину // Утопический социализм. М.: Изд-во политической лит-ры, 1982.
2. *Марков А.П.* Аксиологические и антропологические ресурсы национальной культурной идентичности: автореф. дис. ... д-ра культурологи. СПб.: СПбГУП, 2000.
3. *Мацумото Д.* Психология и культура. М.: Олма-Пресс, 2000.

4. *Петренко В.Ф. и др.* Психосемантический анализ этнических стереотипов: Лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл, 2000.
5. *Смирнова Н.А.* Социальная репрезентации интеллигентности // Психологический журнал. 1994. Т.15, № 6.
6. *Солдатова Г.У.* Этническая идентичность // Психология самосознания. Самара: Бахрах-М, 2000.
7. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный подход к проблеме возникновения психических расстройств // Этнографическое обозрение. 1996. № 4.
8. *Сухих С.А.* Табу и эволюция сознания // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005.
9. *Стефаненко Т.Г.* Адаптация к новой культурной среде и пути ее оптимизации // Введение в практическую социальную психологию. М.: Смысл, 1996.
10. *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи. М.: Молодая гвардия, 1991.
11. *Хотинцев В.Ю.* Этническое самосознание. СПб.: Алетея, 2000.